

17.12.97

Суринский Сергей

Сергей ЧУПРИНИН

«...Оставь поиски чего-нибудь путного в современной литературе: проверено — путного нет». «Литературная газета», 26.11.1997.

Литература и Россия: размолвка или прощание навсегда?

Обращение главного редактора журнала «Знамя» к народу

Общезнакомое - 1997 - 11 - 17 дек - с. 10.

Они давно уже в наборе — первые части огромного, 27-листного романа Владимира Маканина «Андерграунд, или Герой нашего времени». Не помню, чтобы после монументальных «Воспоминаний» А.Д. Сахарова в 1990 — 1991 годах журнал «Знамя» вообще брался за вещь, растягивающуюся более чем на два номера. Снисходя к неусидчивости нынешнего читателя, готовили обычно сокращенный, «журнальный» вариант даже самой качественной, но объемной рукописи либо отказывались от нее вовсе — и редко когда с сожалением.

Но тут Маканин; случай особый. И автор, что войдет в любой, кем угодно составленный шорт-лист современной русской словесности. И профессионально интересно, как освоит эпическое пространство именно он, десятилетиями приучавший публику к шегольскому «европейскому размеру»: 100 — 140 пружинок сжатых страниц — и для романа довольно. А главное — интересно читательски: в «Андерграунд...» нужно опускаться действительно не спеша, виток за витком и круг за кругом.

Словом, новый журнальный год «Знамя» начинает именно Маканиным. Удача, конечно, поскольку всякий другой журнал, думаю, счастлив был бы поставить на открытие произведение такого художественного смысла. Но и досадно: значит, другие достойные публикации сдвинутся ближе к весне, к лету. А их авторам, видит Бог, тоже есть что сказать современной России.

И Абраму Терцу — его язвительно веселый и умный, его прощальный

роман представила редакции вдова Андрея Синявского — легендарная Марья Васильевна Розанова. И Евгению Попову — он опять-таки давно не печатал крупных вещей, вынашивал поди «подлинную историю зеленых музыкантов», где вымысел столь плотно переплетен с явью, а сарказм с лиризмом, что не сразу и разберешь, трогательная «Исповедь сына века» перед нами или глумливый памфлет. И Генриху Сапгиру с его первым лукаво-игровым (и игривым) романом «Сингапур». И Владимиру Шарову, «Старой девочкой» продолжающему свой цикл напряженно философских, страшных «Снов о России». И Владимиру Березину — о нем еще, я уверен, заговорят, когда на свет божий явится «Свидетель», байронически-мрачная и байронически-страстная поэма в прозе о необъявленных войнах, что ни на день не прекращаются на постсоветском пространстве.

И это только крупная проза. А ведь есть еще рассказ Дмитрия Бакина — абсолютно загадочного и единственного на сегодняшний день писателя, которого строгие критики, не смущаясь, готовы называть гениальным. Есть подборка ранних стихов Давида Самойлова, показывающая, что и до выхода в печать он был поэтом титанической силы. Есть, наконец, книга 92-летней Эммы Герштейн «Надежда Яковлевна», где с шокирующей прямотой и бесстрашием рассказано о сложном клубке, в который сплелись личные и творческие отношения Осипа и Надежды Мандельштам, Анны Ахматовой, Марины Петровых, других культовых фигур предвоенного десятилетия...

И что же, спрашиваю я, все это никому не нужно, никому не инте-

ресно? Или почти никому? — так как тот десяток тысяч подписчиков, на который в 1998 году может, кажется, рассчитывать «Знамя», и близко не сопоставим ни с миллионными аудиториями пяти-, семилетней давности, ни с числом образованных, неглупых людей, которые «по идее» должны были бы нетерпеливо ожидать обещанные нашему журналу произведения Георгия Владимова и Григория Бакланова, Людмилы Петрушевской и Фазиля Искандера, Владимира Войновича и Татьяны Толстой, Нины Садур и Вячеслава Пьецуха.

У других литературных журналов дела не лучше, несмотря на то что и их грядущие номера укомплектованы, пусть даже не таким звездным, как в «Знамени», но все-таки весьма и весьма достойным составом имен и произведений. Чуть выше — по традиции — тиражная планка у «Нового мира» и «Юности», чуть ниже — у «Дружбы народов», «Звезды» и «Октября». С изданиями же провинциальными совсем беда — 700 подписчиков набрала в этом году «Волга», для 1600 читателей выходит «Урал», хотя напечатанный в этом журнале роман Ольги Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» явился открытием года, попал в шорт-лист престижной Букеровской премии, собрал букет восторженных или, по крайней мере, уважительных откликов в печати.

Разговоры о кризисе толстых литературных ежесемесечников стали уже общим местом. В какую газету ни глянь, всюду — где с горечью, где со злорадством — толкуют о том, что исчерпалась-де странная российская традиция раз в месяц собирать под одной обложкой роман, повесть, пару рассказов, сти-

хи, статьи о политике и культуре да горстки рецензий и полемических реплик. Когда-то же ведь и то, что начато было Екатериной II и Новиковым, продолжено Пушкиным, Некрасовым, Чернышевским, должно кончиться, говорят нам. Пора — «как в цивилизованных странах» — не журналы читать, а книги, благо, насытившись триллерами и эротикой, издатели уже и к серьезным писателям стали присматриваться.

Мне эти разговоры кажутся глупостью — и совсем не потому, что всяк кулик свое болото полагает неисчерпаемым. Во-первых, «в цивилизованных странах» (например, в Японии или в США) литературные журналы, пусть с собственным — «узкоглазым» или «белозубым» лицом — существуют тоже не первое десятилетие и своих позиций сдавать, похоже, не намерены. Вот только... Высоко ценя усилия «Вагриуса», «Лимбус Пресс», «Изограф», «Пушкинского фонда», некоторых других издательств, не чуждых современной российской литературе, позволю — первым, кажется, — обратить внимание на то, что по количеству выпущенных (не говорю уж — распорванных) экземпляров их даже наиболее успешные «немагасситовские» издания редко-редко возвышаются над тиражной нормой «Нового мира» и «Знамени». Так все больше — десять тысяч экземпляров, пять, три, две, одна, а то и вовсе пятьсот — вплоть до полной неуследимости.

Поэтому говорить, мне кажется, и говорить внятно следует не о кризисе литературных журналов, а о тотальной потере интереса современного российского образованного сословия к современной российской литературе. Когда новый ро-

ман даровитого и даже, как уверяют, модного сочинителя выходит тем же тиражом «для специалистов», что и монография о судьбах фламандской драматургии XVIII века, к падению журнальной популярности относиться уже не как к личной проблеме традиционных «толстяков», но как к индикатору общей бедственности.

«...В последние годы современную художественную литературу читать перестали, и мне захотелось узнать, что в ней делается», — меланхолически объяснила актриса Алла Демидова причины своего согласия войти в состав последнего Букеровского жюри. Она, слава Богу, узнала — и современная литература ей, слава Богу, понравилась. Как нравится она, впрочем, всем, кто, попав в положение члена жюри или номинатора, готов за чужеземные, пусть вполне скромные, деньги прочесть творения нынешних прозаиков или поэтов.

Другим за чтение не платят. Они — в массе своей — и не читают. Литература в этом не виновата: она, сошлось на начальные абзацы этой статьи, если и не в расцвете, то в полном порядке. Журнальные редакции не виноваты тоже: попробовав, всяк на свой лад, откликнуться на зов базарного лотка, они довольно скоро поняли, что нет и в принципе не может быть такой заманки, которая позволила бы современному роману или стихам разместиться в зоне повышенного читательского внимания — между красочным (и полезным) журнальчиком «Смак» и столько же красочными (как и полезными) мемуарами генерала Коржакова.

Что же делать современному писателю, если потребитель всегда прав? Сердиться — Россия, мол,

нынче одурела, зато читателя найду в потомстве я? Чередовать вдохновение с заработком — как, например, Ирина Полянская, одной рукой пишущая высокоэлитарный роман для «Нового мира» («Прохождение тени», № 1–2), а другой (в соавторстве и под псевдонимом Анастасия Крылова) — строчащая один дамский роман за другим? Или раз и навсегда вытравить из своей памяти волшебное предание о самой читающей стране в мире, равно как и о писателе — «совести нации», «колоколе на башне вечевой» и т.п.? Мы мол, настоящая литература — не с толпой, не с миллионами наша роль и участь — быть с пустынным Серапионом, то есть с читателем-одиночкой...

Грешен, я и сам не раз писал, что фантастические тиражи журналов в конце 1980-х — следствие не любви к литературе как собственно литературе, а повального тяготения к новой, свежей, шокирующей и, как правило, политической информации, что подлинных ценителей не может быть много и что это даже хорошо, что аудитория серьезных читателей наконец-то совпала — по численности и качественному составу — с аудиторией филармонических залов.

Я и сейчас в какой-то мере так думаю: Владимир Спиваков не выдержит на стадионе состязание с Филипповым Киркоровым, да и что Спивакову на стадионе делать.

Пишутся и всегда будут писаться книги для немногих, для интеллектуальных гурманов. Но пишутся и книги для страны, а потому мне безумно обидно смиряться с мыслью, что страна — в своей образованной, конечно, части — вовремя не прочтет новые, всем и каждому открытые вещи Солженицына и

Владимова, Искандера и Олега Ермакова. Может быть, спрашиваю я сам себя, если потребитель прав и производитель прав, то вся проблема в том, что разрушены, забыты грязью и ложью каналы связи между ними, и нужны лишь сосредоточенные усилия, для того чтобы вернуть российскому читателю традиционное доверие к российской литературе?

Ах, как лихо, ах, как круто сражались мы лет десять назад с «серой», «секретарской», «совковой» словесностью, и в расчет не беря, что капли выплескиваемых нечистот попутно пятнают — в глазах публики — имена и произведения, решительно того не заслуживающие! Ах, как скоро жизненно необходимая обществу и культуре национальная самокритика выродилась под торопливым пером в глумление над всем домодельным, отчетливым! Ах, с какой бездумностью современную литературу и сейчас (не читая!) называют выморочной, с каким высокомерием, через губу о ней говорят, если вообще говорят, едва ли не во всяком средстве массовой информации!..

Признаем: это мы, журналисты, критики, все, кто формирует общественное мнение, в немалой степени повинны в том, что читатель отвык от современной литературы. Нам, больше никому, и ошибки исправлять — если, конечно, не пойдя по пути, который нам быть вместе. А пока... Работу над этой статьей прервал телефонный звонок. Это лучший наш исторический романист Юрий Владимирович Давыдов сообщил, что наконец-то поставил точку в своем исповедальном романе «Бестселлер», и деликатно поинтересовался, когда рукопись удобнее доставить в редакцию.

Как исправить? Очень просто: вниманием к литературе как — прошу прощения за высокопарность — к нашей национальной гордости.

Постоянным напоминаниями о ней. Доверием, наконец, которое не сможет в конечном итоге не передаться и читателям газет, и телезрителям.

С проблемой восстановления взаимного доверия нужно что-то делать. И еще, мне кажется, можно что-то сделать — пока не выросло поколение, слыхом не слышавшее ни о «Новом мире», ни о «Звезде», ни о «Знамени». Именно с этой целью — помнить о литературе — по инициативе девяти авторитетных критиков учреждена на днях независимая Академия российской современной словесности (см. ВЕРНИСАЖ «ОГ»). И с этой же целью нашей редакцией — при финансовой поддержке Института «Открытое общество» — выпущен и распространяется бесплатно специальный, тринадцатый в году номер «Знамя плюс» — своего рода мини-антология того, что уже было напечатано, и подробный рассказ о том, что пока еще только готовится к публикации.

Страна — есть классика, есть перьеводы, — конечно, проживет без нынешней национальной литературы. И писатели, благо в стол писать для них привычно, тоже проживут без нынешних подписчиков и покупателей. Но лучше все-таки нам быть вместе. А пока...

Работу над этой статьей прервал телефонный звонок. Это лучший наш исторический романист Юрий Владимирович Давыдов сообщил, что наконец-то поставил точку в своем исповедальном романе «Бестселлер», и деликатно поинтересовался, когда рукопись удобнее доставить в редакцию.

Значит, жизнь продолжается. И русская литература тоже.